

Ярослав Таран

Три Сестры

Жена

1

Души молочный полумрак
разлит везде – и жизнь нежна:
в её таинственных мирах
есть сердца глубина:

как лунной грусти луч, в ней стих
мерцает – перезвон
души с душой, и лёгкий сон
её лесных
ручьёв журчит меж строк
в земных ночах –
единых вод единый вздох...

Из рода в род вливает страх
в неё свой яд: он муж.
Животным ужасом полны
глаза ночей. Ему ж
она верна. В том нет вины.
И спрашивать грешно:
за что? за что? за что?..

Зачем ты льёшься, свет ночной?
Там волки воют... И уму
смешно соперничать с тобой,
в любви бессильному...
Но страх ревнив, старик скупой.
И соль твоя горчит.

Иль жалость это? слёзы чьи
прекрасней страсти: чист
напевов русских сладкий хмель.
Но сказки наши всё страшней...
Сердечко сжалось... И стучит
лишь дождик за стеклом;

души далёкий метроном:
"туман, туман...
потом, потом...
потом, потом поймёшь..."
Жизнь так туманна, что с ума –
захочешь – не сойдёшь.

2

РАЗЛУКА

Когда-нибудь... Когда-нибудь
мы встретимся... Одежды
так сбрасывает лес... Вот путь –
торжественный и нежный...
Души наполнит устье
последним осень сном –
и разольётся грустью...
Мы всё поймём,
и всё простим,
и жизнь благословим.

окт. 1999

3

Уходит день, покойный и понятный.
Рябина за окном. Свобода чуть горчит.
Заказан путь обратный.
Влюблённая в гранит,
в заката пьяных пятнах,
всей памятью меж нами
Нева лежит.

Рождённая великими ночами,
поэзия ревнива. В люльке время
качает звёзды, плещет о ступени
уснувшей набережной... Тайно,
в тумане нежном ты из волн,
ты – жизнь, выходишь, – и сквозь сон
стихов я слышу прорастанье.

Она – соперница! – не спит:
подмешан в этот шёпот лунный
бессмертия тяжёлый яд;
и утро скоро обнажит
твоих мостов узор чугунный
и гордость всех твоих утрат.

сент. 2000

Как встреча, весточка, весна,
ты, долгожданная, дана
была мне, жизнь,— моя, одна,
таинственная, эта!

Неповторимая, верна
чудесному, единому завету,
так искренне связующему нас,
так бережно ведущему по краю
дремучих снов, что каждый раз,
когда, сорвавшись, засыпаю,
тебя немой пронизывает вечер,
ты ждёшь, ты веришь, ты одна
во тьме моей горишь, как встреча,
невеста, весточка, весна...

Но сердцу осень говорит,
что время полное синей,
что небо больше и больней,
разлука вещая горит,
чем безнадёжней, тем верней;
что станет до краёв полна
судьба, поэзия, жена.

январь. 2005

Царица

Не верит на слово и лжёт.
Над телом иногда глумится.
А иногда как бездна жжёт —
пугает и огня боится.

Не торопясь тасует лица...
По кругу тикают года.
Несётся Феба колесница.
Вино и кровь твои — вода.
Ты — ночь. Ты — тьма. Ты кто, царица?

И — сердца на больничной койке
мерцает красная звезда...
Как безнадёжно непрочно
существования пряжа! Сколько
осталось памяти — проститься?

Сквозь толщу лет твоя слышна
стальная ступь, твои глазницы –
безоговорочные стражи –
хранят презрительную силу.

Как будто – ты не спишь: не снится,
что ты – одна! что ты – всё та же...
и никого ты не казнила!..

Мелькают солнечные спицы...
Остатки власти и казны
разграбленной везут по Риму...

И как безоблачно нежны
протянутые Небом миру
гвоздями меченые руки!..

Как твои губы холодны!
И умираешь ты от скуки,
царица меры и вины.

окт. 2006

Тебе

Ты – глубина, что заставляет плыть
и вопреки инстинкту самосохраненья
писать стихи, скрывая страстный стыд, – всё пить
воздушную отраву вдохновенья.

И ты никак не можешь до конца
поверить счастью человеческого рынка –
любви с натянутой улыбкой мертвеца.
Сны памяти листаешь под сурдинку,

чтоб людям не мешать вести войну
за прочность мирных стен и бесконечность тела,
свой день перепродать и лишь свою вину
хранить до тьмы последнего предела.

Как сердца наготу, нельзя забыть
тебя, овца под волчьей шкурой: ты мудрее
всех очевидных правд! – и как не полюбить
мне, смерть, твои распахнутые двери?

окт. 2006

Сонный путь. Над землёй журавли.
Ставит смерть многоточье над i.
Ночь сплетает тела – и на миг
внятен сердцу звериный язык:
вздохи сосен, Вселенной букварь,
строгих звёзд одинокая даль...
Утро ощупью ищет зрачок –
розовеет ночной потолок.
Как бегущая в небе строка –
журавли, и века, и тоска.

28 июля 2007

Ты, будущий, сейчас – ты смотришь на меня?
Как я – смотрю насквозь на солнце того дня,
что десять лет назад... ты помнишь, над Садовой?
Я часто вижу их, тех любящих... И снова
сердец их не сожжёт направленный мой стих:
я знаю, что их ждёт, но мой не слышен крик.
Нет, тихий льётся свет от счастья тех двоих.
И я смотрю на них. И их шаги легки...
Ты, будущий, сейчас... и пишешь ли стихи?

окт. 2006

Их встреча была в пути вспыхнувшим словом,
и устьем реки разливалась разлука...
Как чуткие руки слепого, так в новом,
чуть тронутым имени первооснову,
незримую миру, уста узнают...
О чём они вспомнят, коснувшись друг друга?
И что им приснится в далёком краю?

февр. 2007

День и Ночь

1.

Я верю, что она
поймёт меня сполна,—
но в мире том, где Луна
души вызывает прилив.

Жизнь эта — только одна
арфы небесной струна.

Мы любим урывками сна.
Чуть слышно плывут облака.
Волна за волною — века.
Я стану, клянусь, терпелив!

Жизнь эта — только одна
ослепительной арфы струна.

2.

Шелест времени, вспышка лица.
Воля случая, всплески костра.
И мерцают сердца...
Одиночеством стелется страсть.

Кто-то должен играть до конца.
Кто-то должен играть.

ноябрь 2008

Жертва

Я знаю, сушит суета...
И полюбить — невмочь!
Пресыщенная пустота
безликую провидит ночь.

А было страшно... Предала!..
Смеялись в масках... Пить
так сладко стыд! И ты текла.
И падала, как пыль.

Но беспощаден был твой бунт.
И жадных содроганий ток
уже тебя, как вещь, волок
на наслажденья суд.

Кружились тошнотою спиц
и жались за предел,
но безразлично бледный мел
чертил на стёклах лиц:

всё кончено. Невмочь!
Знай, бесконечна скука!
Не полюбить вовек. И ночь
с вином пришла, подруга.

15 дек. 2008

Невстреча

мы встретимся – теперь!
Фет

1

Слова закончились, как путь:
уходишь ты в страну воспоминанья,
на дно очей, где правда незеркальна,
но в почве тёмной прорастает суть –
и зреет время темой музыкальной:
вдруг – чуткое – заслушается тайной
каналов наших, первых переулков,
в ночь уходящих эхом гулким...

2

Здесь, окна растворив,
как книги, на разрыв
шёл разговор. Разрыт –
на вздохе взмахом крыльев!

Но дважды два четыре –
и горизонт закрыт.
Как взгляд. Как роль твоя –
не узнанное «я».

Обрывки слов шуршат.
Бессонницы квадрат
измерив весь, душа
уносит за кулисы
невстречи нашей смысл.

3

Есть времени застывшие провалы –
арктические области души, –
кто не был там, тому и горя мало,
что ночь близка, огонь не разожгли,
заснули вдруг и слова не нашли.

4

Не знаю, сколько (видимо, немало)
дождливой пряжи утекло: Нева
сводила нас... – и в зеркале канала
рождались звёзды: сердце узнавало
твои черты...

Играли в прятки губы и слова.
Паркетным лаком тайну покрывало –
над пропастью слоилось *дважды два*
четы...

Как буратинин холст, явь затрещала!..
Отхлынул хмель. Мы испугались! Только
во сне – как в школе: недослушал – двойка.
Когда б очнуться – и прочесть с начала...
Попробуем...

Мерцает небо в проруби немой.
Емеля спит, работая над словом.
Разбудит – и, не расплескав, домой
он донесёт по памятным сугробам
твоё лицо – исполненное утро.
Он терпелив бескрайнею тоской.
Раздует речь: он искренен, как чудо!
Он весь – как мир – до капли солнцем понят.
И настежь путь! Осталось только вспомнить...

.....

январь-март 2008

Три сестры

«...жизнь, поэзия, смерть...»
из романтических стихов

Три звезды, три свечи серебристых...
На плоту утлой плоти кружиться,
слушать ветра свистящую плеть,
плыть и плакать во времени быстром,
ни одной из вас выбрать не смей!..
И в заснеженном поле сойти –
там, где Гамлета тают пути,
гаснут робкие страхи и страсти,
ночь струится безбрежною волей
с высоты недоступной и близкой,
где, встречаясь, по-детски лучатся
три сестры, три мечты над Москвою...
Пусть летят три мерцающих птицы...
И на что им бескрылое счастье?
Три звезды – растворяются солью
на глазах, чтоб прощать и прощаться.

ноябрь 2006